

Смирнов Роман Камилевич

К ВОПРОСУ ОБ ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ СОБСТВЕННОСТИ И ОСОБЕННОСТЯХ ЕЕ МОДЕЛИ НА ЗАПАДЕ И ВОСТОКЕ

Статья посвящена рассмотрению и анализу содержательных основ категории "собственность". К их числу автор относит: личностное начало, религиозно-идеологический компонент (шире - культурный), геополитический фактор. Каждый из них находится в тесной взаимосвязи друг с другом. В работе выявлена специфика характера их связи в западном и восточном типах обществ, определившей становление модели собственности в данных социальных образованиях.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/4-2/48.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 4 (18): в 2-х ч. Ч. II. С. 188-192. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Энтузиазм в воспроизведении канона подпитывался как религиозным подвижничеством, так и стремлением получить так называемую заслугу (*пунья*) для улучшения кармы. Воспроизведение хотя бы малой части священного текста приравнивалось к великой добродетели. В «Алмазной сутре», переведенной на китайский язык Кумарадживой в 400 г., Будда говорит: если кто-то «запомнит, поймет, изучит, передаст и подробно разъяснит другим» хотя бы единственную строфу Лотосовой сутры, этот человек «по этой причине приобретет огромное количество добродетели, неизмеримое, неисчислимое» [1, с. 121-122].

Немаловажную роль играли и экономические соображения: монастыри постоянно нуждались в средствах для осуществления своей миссионерской деятельности и содержания монахов и монахинь. Издательская деятельность приносила серьезный доход.

Все эти факторы и обусловили повышенный интерес буддийского сообщества к тиражированию священных текстов.

Список литературы

1. Алмазная сутра, или Сутра о совершенной мудрости, рассекающей [тьму невежества] как удар молнии (Ваджра-чхедика праджня-парамита-сутра) // Андросов В. П. Буддийская классика Древней Индии. М.: Алмазный путь, 2010. 510 с.
2. Bechert H., Gombrich R. The World of Buddhism: Buddhist Monks and Nuns in Society and Culture. L., 1991. 389 p.
3. Glass A. Early Adopters: Debunking Stereotypes of Buddhist Attitudes toward Technology // IAS Newsletter. 2008. № 49. P. 20-23.
4. Harrison P. A Brief History of the Tibetan bKa'gyur // Tibetan Literature. Ithaca, 1996. P. 70-94.
5. Mizuno K. Buddhist Sutras. Tokyo, 1982. 220 p.
6. Pratt K., Rutt R. R. Korea: a Historical and Cultural Dictionary. L., 1999. 568 p.
7. Tsien T.-H. Paper and Printing. Cambridge, 1985. 478 p.
8. Witzel M. Inside the Texts, beyond the Texts: New Approaches to the Study of the Vedas. Cambridge, 1997. 581 p.

BUDDHISM SACRED TEXTS EXPANSION IN ASIA: WAYS AND TECHNOLOGIES

Yurii Grigor'evich Smertin, Doctor in History, Professor
Department of Archaeology, Ethnology, Ancient and Medieval History
Kuban' State University
usmer@hotmail.com

The author researches the history of Buddhist sacred texts reproduction in South, North-East and South-East Asia from the time of their creation till the present day, reveals the ways of Buddhist canon reproduction and its replication technology evolution, and considers the reasons of Buddhist communities' increased interest to the copying of "Tripiṭaka".

Key words and phrases: Buddhism; Dharma; replication; Tripiṭaka; publication; Buddhist canon; technology; Buddhist monks; copying.

УДК 111

Статья посвящена рассмотрению и анализу содержательных основ категории «собственность». К их числу автор относит: личностное начало, религиозно-идеологический компонент (шире – культурный), геополитический фактор. Каждый из них находится в тесной взаимосвязи друг с другом. В работе выявлена специфика характера их связи в западном и восточном типах обществ, определившей становление модели собственности в данных социальных образованиях.

Ключевые слова и фразы: собственность; владение; личность; религия; геополитика.

Роман Камилевич Смирнов, к. филос. н.
Кафедра философской антропологии
Приволжский федеральный университет
Roman-kazan2008@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОНТОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ СОБСТВЕННОСТИ И ОСОБЕННОСТЯХ ЕЕ МОДЕЛИ НА ЗАПАДЕ И ВОСТОКЕ[©]

Собственность является важнейшей социально-экономической категорией, без обращения к анализу которой невозможно строить в длительной перспективе стратегии оптимизации экономических систем как на локальном уровне, так и на глобальном в условиях поиска модели их интеграции. Поэтому любые работы, посвященные данной теме, всегда будут актуальны и своевременны. В связи с этим в рамках этой статьи мы бы хотели выявить базовые основания категории собственности и показать различия в их становлении на Западе и Востоке.

На сегодняшний день существует широкое поле различных подходов к определению содержания понятия «собственность», но целостное определение отсутствует. Мы считаем, что это объясняется многоаспектностью данного понятия, рассматриваемого в рамках различных дисциплин. В то же время собственность, подобно философии, имеет свой главный вопрос, который в разной степени пронизывает все контексты ее рассмотрения. Его можно сформулировать следующим образом: отношение субъекта к принадлежащему ему объекту в конкретных социально-исторических условиях, его определяющих. Если конкретизировать содержание данного отношения, можно сказать следующее: кто и что (насколько) может делать с принадлежащей ему собственностью. В связи с этим можно выделить следующие ее базовые составляющие:

- личностное начало – собственность всегда имеет личностный окрас и является ее пространственным продолжением как в материальном, так и духовном мире;

- религиозно-идеологический компонент (шире – культурный), в лоне которого определяется и формируется логика развития собственности;

- геополитический фактор, представляющий собой взаимосвязь конкретных условий и механизма возникновения и функционирования собственности.

Все они между собой тесно взаимосвязаны и находятся в состоянии диалектического взаимовлияния, поэтому предложенное нами разделение их достаточно условно.

Рассмотрим каждое из выделенных нами положений более подробно в представленной выше последовательности.

Появление собственности неразрывно связано с процессом становления личностного начала, который остается пока покрытым тайной. Не вдаваясь в дискуссии по этому вопросу, мы считаем наличие сознания и его преобразующей активности по отношению к миру исходной точкой его возникновения. Сознание дихотомично по своей природе и начинается с осознанности «Я», что предполагает противопоставление «не Я». Тем самым устанавливается граница человеческого «Я», которая может расширяться в окружающем пространстве. Формой этого расширения выступает собственность как пространственное продолжение личности в окружающих ее объектах. Отсюда любое умаление или ее прибавление на заре человеческой истории напрямую было связано со смысловой ориентацией личности, без которой она никогда не была мыслима.

Помимо пространственного измерения собственности личностное начало задает границы поля ее функционального рассмотрения. Они варьируются от индивидуальной до коллективной личности в различных своих формах и проявлениях. Таким образом, личностное начало задает рамки бытийствования и рассмотрения собственности.

Другим важнейшим фактором становления собственности является религиозно-идеологический компонент.

Человеческое «Я» не было отделено от мира четкой, в современном понимании, гранью, а находилось с ним в тесном противоречивом единстве, которое можно представить в виде диалога двух «Я» – человека (в форме коллективного сознания, а позднее индивидуального) и одухотворенного (божественного, который зеркально отражал эволюцию человеческого сознания) им мира. Отсюда расширение пространственной границы личностного «Я» неразрывно было связано с лоном религии. Она в древнем мире, как широко известно, представляла собой синкретичный сплав материального (земного) с идеальным (сакральным, потусторонним). Так как «Я» человека обращалось к одухотворенному им миру, акцент делался на последнем. Следовательно, ничто не может произойти в мире материальном без помощи и санкции на то мира идеального, или божества. Это положение для нас имеет два важных следствия.

Первое: была выстроена линия «человек – Бог», в которой происходили дальнейшее становление и эволюция собственности. В основе этой вертикали лежал принцип зависимости, который закреплял складывающуюся социальную иерархию как в земном, так и небесном мире.

Второе: Бог древнего человека неразрывно был связан через ритуально-магическую практику с его конкретным земным существованием. «Дом» Бога находился на земле, а не на «небе». Отсюда правильно организованный «диалог» с Богом давал гарантии неприкосновенности личностно-пространственных границ «Я». Суть этой ритуальной практики заключалась в монопольном праве человека на сопричастность божеству, живущему на земле молящегося, в культовом месте. Здесь важно отметить, что понятие «человек» не синонимично отдельному индивиду, оно носит родовой характер и выражает преемственную связь поколений как живших, так и живущих. Благодаря этому отдельный член коллектива становился сопричастен родовому «телу» (через которого оно воплощалось на земле), неразрывно связанному с божеством, землю которого он получал в наследство вместе с обязанностью ее оберегать и по возможности приумножать. Отсюда религиозный культ защищал и освящал незыблемость границ собственности, в которых только и мог относительно спокойно чувствовать себя индивид, находясь под защитой своего Бога и умерших предков. Нарушение их, даже в случае завоевания, было делом крайне сложным, ведь чужак посягал на дом, где живет не его Бог, не его предки, и тем самым мог навлечь на себя страшные кары. Поэтому «экспроприация в видах общественной пользы была неизвестна древним» [10, с. 73]. В то же время религиозный фактор не только устанавливал неразрывную связь собственности с человеком, но и заключал в себе предпосылки ее преодоления.

Выше мы уже говорили, что человек зависел от Бога, причем характер этой зависимости определялся не его свободной волей. В случае потери связи с Богом индивид терял санкцию на существование в этом мире, а стало быть, терял свою собственность и существо своего «Я», порвавшее связь с родом, говоря проще, терял все и оказывался ничем. Отсюда зависимость предполагала умаление значимости и свободы «Я», отказ от монопольного права на обладание собственностью в пользу Бога. Человек становился всего лишь его сособственником по праву обязанности хранить, защищать и приумножать землю его «дома». Стало быть,

то, что давало, с одной стороны, незыблемость собственности, с другой – заключало возможность ее отчуждения из сферы «Я» в пользу другого, более сильнейшего «Я».

Конкретный механизм отчуждения собственности и ее положение в социальном организме определялись геополитической составляющей этого явления. Для последовательности изложения разобьем данный пункт на политическую и географическую составляющие, не забывая об их тесной взаимосвязи.

Функционирование собственности неразрывно было связано с процессом политического оформления общества. Абстрагируясь от его исторической конкретики, в целом можно сказать, что социальный организм на заре своего существования представлял собой объединение, основанное на принципах старшинства и функциональной значимости его членов.

Первый из них цементировал существующую в группе социальную иерархию, а позднее на его основе был сформирован институт, предполагающий трансляцию своего статусного положения. Второй определял значимость члена в группе по степени его вклада: чем больше вклад, тем выше статус. Таким образом, функциональный подход воплощал собой лифт социальной мобильности, обеспечивающий выдвижение «лучших» в целях выживания коллектива. Взамен привносимого индивидом вклада он получал неразрывное единство статуса, престижа и, как следствие, власти, что выражалось в признании права ограничить возможность других членов группы распоряжаться свободой действий. К примеру, это непререкаемость слова лидера, монопольная прерогатива распределения среди других членов добытых благ, в том числе и совместно, право на несколько жен и т.д. Стало быть, обладатель данного триединства получал возможность аккумулировать в своих руках собственность, ранее связанную с его соплеменниками, которые превращались в ее владельцев не только по отношению к Богу, но и к человеку. Этот процесс в своем развитии прошел, как отмечает Л. Васильев, две стадии: от реципрокности к редистрибуции [2, с. 74-79]. Рассмотрим их несколько подробнее.

Реципрокность происходит от латинского *reciproco* – двигать туда-сюда, возвращать обратно. «Первоначальная суть, – пишет Л. С. Васильев, – реципрокного взаимобмена сводилась к тому, что каждый вносил в общий котел, сколько мог, и черпал из него, сколько ему полагалось, тогда как разница между отданным и полученным измерялась в терминах социальных ценностей и выражалась в форме престижа и связанных с ним привилегий» [Там же, с. 74]. Следовательно, механизм реципрокного обмена был ограничен рамками небольшой социальной группы, так как исходил из индивидуальных возможностей наиболее успешного ее члена. Изначально тот, кто претендовал на эту роль, больше терял, нежели приобретал, и лишь позднее наиболее удачливые из них смогли закрепить свой статус и передавать его по наследству.

В больших социальных объединениях лидерства можно было добиться, опираясь не только на свои личные достижения, но и на результаты работы других членов своей группы, или, говоря иначе, редистрибуцию – перераспределение продукта, созданного в той или иной человеческой группе. Итак, посредством механизма реципрокного обмена и редистрибуции было заложено основание отчуждения «Я» от его пространственного воплощения собственности.

Помимо борьбы за лидерство главы социальных объединений с целью сохранения, роста и укрепления своего положения должны были учитывать потребности, интересы подконтрольных им субъектов. Именно от характера взаимоотношений с ними зависела степень концентрации власти (собственности).

Этот «диалог» выстраивался по следующим взаимосвязанным направлениям:

- необходимость хозяйственного выживания;
- востребованность сильной власти со стороны населения;
- сила самой власти, умение стянуть социальные объединения в единый монолит во главе с одним началом.

Их характеристика связана с географическим фактором собственности: с условиями жизни, в том числе и ресурсами, численностью населения, отношениями с соседями.

По занимаемому месту проживания, вслед за классиком немецкой политологии Карлом Шмитом, можно выделить два крупных типа социальных образований: народы моря и суши. Первые – «автоталассические», т.е. исключительно морем определяемые народы, никогда не путешествовавшие по земле и не желавшие ничего знать о твердой суше, которая являлась границей их чисто морского существования» [12]. Вторые – автохтонные, неразрывно связанные с землей и расширявшие в ее глубины сферы своего влияния.

Если оставить за «бортом» перипетии истории древности, можно в целом сказать, что это деление соответствует началу становления западной модели социума, представленной в первую очередь историей Древней Греции, а позднее и Рима (автоталассические народы), и восточной (автохтонные народы).

Различия между ними были столь велики, что, как отмечает тот же исследователь, «всемирная история – это история борьбы континентальных держав против морских держав и морских держав против континентальных держав» [Там же]. Стало быть, необходимость выживания в условиях «земли» и «моря» оказывала разное воздействие на процесс политогенеза и связанных с ним отношений собственности.

Рассмотрим это в западной модели социума на примере Греции. Пелопонесский полуостров представлял собой скалистую местность, омываемую морями, со скудными возможностями для прокормления все увеличивающегося населения. В то же время он был окружен различными островами, до которых сравнительно легко (хоть и не без риска) можно было добраться, что открывало путь миграции на них тех, кому не хватало ресурсов на материке, и, как следствие, возникали взаимные сношения и торговля между ними. Такой образ жизни, постоянно заставлявший человека бросать вызов стихии, формировал в нем активность по отношению к миру, предприимчивость, независимость, где он не нуждался в организационном начале сильного централизованного «Я». С другой стороны, в условиях территории, разделенной естественными преградами (горами и морем), невозможно было установить сильную власть, как и «убедить» население в ее преимуществе. Все, что нужно было

древнему греку, это организация управления хозяйственной жизнью в рамках небольшого социального объединения полиса и защита собственности, неразрывно связанных с возможностью выживания.

Другое дело – Восток, с совершенно иными условиями жизни и существования. Ведение хозяйства на суше требовало с целью выживания постоянного взаимодействия с природой, часто тающей опасности для человека и требующей больших усилий по ее преобразованию. Поэтому он нуждался в сильном организационном начале.

Помимо «отношений» с ней социальному организму нужно было отстаивать и (или) приобретать благоприятное жизненное пространство от посягательств иных социальных объединений, что опять-таки требовало сильной власти.

С другой стороны, компактность проживания и относительная однородность территории способствовали усилению властного начала по отношению к подконтрольным ему субъектам.

Отсюда, как мы можем видеть, люди, чтобы выжить, нуждались в сильной власти, как и она в них, чтобы обеспечить эту возможность. Любое отклонение от этого было чревато страшными и непредсказуемыми последствиями, ведшими почти всегда общество к его ослаблению и гибели.

Таким образом, в западном типе общества не сложились предпосылки для концентрации собственности в руках сильного властного начала, что имело своим следствием формирование и закрепление в форме правового института ценности частной собственности как источника независимости от власти. На Востоке же, в силу геополитического положения обществ и сложившегося в них сильного властного начала, произошла концентрация собственности в руках единого «Я», по отношению к которому все остальные выступали только как ее владельцы. Результатом этого стало обесценивание собственности как фактора личностной независимости от власти. В подобной правовой ее трактовке (в отличие от Запада) просто никто не нуждался. Правда, данное положение вовсе не означает отсутствия ценности собственности в форме владения ею, сопричастность к которой была прямо пропорциональна положению в административно-управленческой иерархии, составлявшей основу управления и функционирования социального организма.

Такой характер общественных отношений, где собственность является связанной с властью, позволил специалисту по истории Востока Л. Васильеву ввести авторское понятие «власть-собственность». Мы полностью согласны с его точкой зрения, при одном уточнении: это понятие не учитывает разницы между властью собственностью и властью владением. Власть-собственность, как мы могли видеть из логики нашего изложения, применима только к тому, кто концентрирует ее в руках своего «Я». Все же остальные обладают властью и собственностью по отношению к нему лишь по праву владения, будучи сопричастными к управленческой иерархии, и в любой момент могут относительно быстро лишиться ее, потеряв свое место в ней. Поэтому при анализе социальных отношений стран Востока или восточной ментальности, как Россия, наравне с понятием власть-собственность (которую стоит относить лишь к руководству страны) следует употреблять и власть-владение, которое подчеркивает: а) зависимый характер собственности от владельца ею; б) относительную или прямую зависимость ее от вышестоящего по социальной иерархии лица (именно здесь, мы считаем, формируется благодатная почва бюрократического рынка); в) ограниченный характер владения ею по праву выполняемых обязанностей.

Подводя итог вышесказанному, мы можем сделать следующий вывод. Возникновение категории собственности неразрывно связано со становлением личностного начала, пространственным выражением которого она является. Развитие личности происходит в тесной связи с религиозными представлениями, посредством которых человек получает уверенность в своих действиях с санкции божества. Именно здесь, в религиозной вере, закладывается предпосылка отчуждения свобод индивида в форме признания зависимости его от Бога. Ее практическая реализация будет воплощена в процессе политогенеза, в результате прохождения стадий реципрокного и ридистрибутивного обмена, итогом которых станет отделение собственности от владения, что откроет широкое поле для взаимодействий с нею. Фоном складывающихся политических отношений явилась географическая сфера, оказавшая серьезное влияние на различие моделей собственности в становлении государственных образований стран Запада и Востока.

Список литературы

1. Бочкарев С. А. Русские мыслители об антропологическом смысле собственности [Электронный ресурс] // CREDO NEW: теоретический журнал. 2008. № 3. URL: <http://credonew.ru/content/category/12/70/60/> (дата обращения: 02.02.2012).
2. Васильев Л. С. История Востока: учебник для магистров: в 2-х т. М.: Юрайт, 2011. Т. 1. 722 с.
3. Кареев Н. И. Общий ход мировой истории [Электронный ресурс]. URL: <http://www.otkrovenie.de/beta/xml/other/obwjjXodMirovojIstorii.xml/4> (дата обращения: 03.02.2012).
4. Локк Дж. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. 668 с.
5. Мень А. Магия, оккультизм, христианство [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lib.ru/HRISTIAN/MEN/magizm.txt> (дата обращения: 30.01.2012).
6. Моммзен Т. История Рима: в 4-х т. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. Т. 1. Кн. I-III. 640 с.
7. Перепелкин Ю. Я. Частная собственность в представлении египтян Старого царства // Палестинский сборник. М. – Л.: Наука, 1966. Вып. 16. 127 с.
8. Розин В. М. Предпосылки и особенности античной культуры. М.: ИФ РАН, 2004. 298 с.
9. Соловьев В. С. Сочинения: в 2-х т. М.: Мысль, 1998. Т. 1. 590 с.
10. Фюстель де Куланж Н. Д. Гражданская община Древнего мира. СПб.: Типография Б. М. Вольфа, 1906. 459 с.
11. Шемиякин Я. Г. В поисках смысла: из истории философии и религии: книга для чтения. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2003. 432 с.
12. Шмитт К. Земля и море: созерцание всемирной истории [Электронный ресурс]. URL: <http://golossovesti.ru/index.php?op> (дата обращения: 02.02.2012).

TO THE QUESTION OF PROPERTY ONTOLOGICAL FOUNDATIONS AND ITS MODEL FEATURES IN THE WEST AND EAST

Roman Kamilevich Smirnov, Ph. D. in Philosophy
Department of Philosophical Anthropology
Volga Region Federal University
Roman-kazan2008@yandex.ru

The author considers and analyzes the meaningful foundations of the category "property" including the following ones: personal beginning, religious-ideological component (wider - cultural), geopolitical factor; shows that all of them are strongly correlated, and reveals the specific nature of their correlation in western and eastern types of societies, which determines property model formation in these social entities.

Key words and phrases: property; possession; personality; religion; geopolitics.

УДК 343.3/7

В статье проводится сравнительное исследование норм действующего уголовного законодательства Российской Федерации и других государств в рамках регламентации уголовной ответственности, предусмотренной ст. 238 УК РФ. На основании проведенного анализа автор предлагает общественности обобщенный взгляд на преступность и методы борьбы с ней силами и средствами уголовных законов стран ближнего и дальнего зарубежья.

Ключевые слова и фразы: безопасность продукции; потребительский рынок; уголовная ответственность; качество товаров; фальсифицированное лекарственное средство.

Александр Вячеславович Суханов

Кафедра «Теория государства и права»

*Южно-Российский государственный университет экономики и сервиса
aspirantsuhanov@rambler.ru*

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕГЛАМЕНТАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРОИЗВОДСТВО, ХРАНЕНИЕ, ПЕРЕВОЗКУ ЛИБО СБЫТ ТОВАРОВ И ПРОДУКЦИИ, ВЫПОЛНЕНИЕ РАБОТ ИЛИ ОКАЗАНИЕ УСЛУГ, НЕ ОТВЕЧАЮЩИХ ТРЕБОВАНИЯМ БЕЗОПАСНОСТИ[©]

По данным исследования, проведенного Еврокомиссией в 2010 году, на потребительском рынке стран Евросоюза было выявлено 2 244 случая продажи потребителям небезопасных товаров, что на 13% больше, чем за аналогичный период 2009 года. Из доклада Еврокомиссии следует, что большую часть этих товаров составляет продукция, которая по своим физико-химическим свойствам не отвечает требованиям безопасности для жизни и здоровья потребителей. Так, из общего числа таких товаров 32% составили текстиль и одежда, 25% – игрушки, 9% – автомобили, 8% – бытовая техника, 4% – товары для детей. Причем 58% всех некачественных товаров было произведено именно в Китае либо с участием китайских производителей [16].

За последние несколько лет российскими и зарубежными специалистами, отмечается значительное снижение качества продукции, товаров, работ и услуг. Большая часть всех товаров, поступающих на потребительский рынок России, – это товары ненадлежащего или сомнительного качества. По данным Росстата, в 2010 году органами Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (далее – Роспотребнадзор) проведено 83 тысячи проверок торгующих организаций. В аналитическом отчете Роспотребнадзора отмечено, что число зарегистрированных вспышек инфекционных болезней превысило среднесезонные цифры практически в 2 раза. Более половины (67%) таких групповых заболеваний связаны с употреблением некачественной пищи [1].

В период существования Советского Союза 22 мая 1991 года был принят Закон СССР «О защите прав потребителей» [4, ст. 689]. В ст. 4 Закона регламентировалось право потребителей на надлежащее качество, безопасность, полную и достоверную информацию о продукции, а также возмещение в полном объеме ущерба, причиненного продукцией ненадлежащего качества. Для многих государств, вошедших в состав СНГ, общесоюзный Закон «О защите прав потребителей», содержащий требования к качеству и безопасности товаров и продукции, стал общей правовой моделью. Впоследствии были приняты аналогичные законы на территории Украины (Закон УССР от 12.05.1991 «О защите прав потребителей»), Казахской ССР (Закон Казахской ССР от 05.06.1991 «О защите прав потребителей»), Республики Киргизстан (Закон Республики от 28.12.1992 «О защите прав потребителей»), Республики Беларусь (Закон Республики от 19.11.1993 «О защите прав потребителей»).